

УЛЫБАЙСЯ

СОБРАНИЕ МИНИАТЮР

Валентин Одоевский

ПЕРЕИЗДАНИЕ
В никуда
Шахматы

16+

Валентин Одоевский

Улыбайся

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63970851
SelfPub; 2021*

Аннотация

В жизни всегда есть место истории, пусть даже простой, но, в то же время, очень значимой. Сколько людей – столько и историй, и каждая по-своему интересна. Это переиздание, полюбившегося многим, сборника миниатюр, с двумя новыми произведениями и некоторыми правками старых...

Содержание

У ЯСЕНЯ	4
МЕЛАНХОЛИЯ	8
НОВЫЙ ГОД	12
КОТ	18
В ЧУЖИХ ОКНАХ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валентин Одоевский

Улыбайся

У ЯСЕНЯ

Обычный осенний день. Быть может, даже солнце светит. Где-то на зелёной травке (хотя, кого я обманываю – не трава там, а опавшие листья) под высоким ясенем одиноко сидит человек (это я, если что) и с неподдельным таким удивлением говорит сам себе: «Нифига себе!»

И сразу же возникают два вопроса: что я, собственно, забыл у этого самого ясеня, и чему я так сильно удивляюсь?

Если честно, то, отвечая на первый вопрос, скажу – я и сам не знаю, как там оказался! Конечно, сейчас могут начать говорить что-то в духе: «Бухать меньше надо!» Но поймите меня правильно, я человек в трезвом уме и здравой памяти (а может наоборот? – не помню), только, вот, как я оказываюсь под ясенем – хоть убейте не помню. Да и надо ли?

Что же касается второго вопроса, то скажу, я, вообще, такой человек, который старается особо не думать. Сейчас объясню. Вот, начинаю я размышлять хоть о чём-нибудь, да даже об искусстве эпохи Возрождения, как мои думы, если можно так выразиться, резко меняют направление..., и я

вдруг осознаю и понимаю, как же всё скверно и несправедливо, как же всё в этом бренном мире несовершенно, а ведь и сделать-то толком ничего нельзя... Понимая это, я поражаюсь и говорю себе: «Нифига себе!», и... оказываюсь у ясеня...

Когда же я не думаю (очень удобно, кстати!) всё кажется таким замечательным и хорошим, жизнь оказывается такой лёгкой и, я б даже сказал, воздушной! Вот осознаю я это, понимаю, как прекрасен этот мир и говорю себе: «Нифига себе!», и... где вы думаете я оказываюсь...? Опять же у ясеня. Вот же аномалия, а! И главное, – ведь, я даже не понимаю, как я туда попадаю – всё происходит незаметно (видимо это действие у меня отработано до совершенства, хотя, какое тут действие, – загадка даже для меня).

А ведь, между прочим, почему я оказываюсь именно у ясеня? Почему не у берёзы или, на худой конец, не у сосны? Видимо, что-то меня в нём привлекает (хотя я не ботаник). А вот что? Его высота или роскошная крона, чем-то напоминающая голову Александра Блока? А может могущество ствола или огромная тень, что он образует, и в которой постоянно одна и та же температура? Тут, пожалуй, я и сам-то не отвечу. Похоже, что яшень тоже удивляется (он же живой, верно?) только тому уже, как я удивляюсь. Хм... неплохо звучит: «удивляется тому, как удивляется» ...

Тем не менее, возникает ещё один вопрос: вот оказался я по одной из этих причин у этого самого ясеня (кстати, все-

гда у одного и того же), что я там делаю? Знаете, сложно сказать... видимо, просто сижу, опершись на ствол и, как Штирлиц в том анекдоте, ищу двоеточие... И, понимаете, такое чувство безысходности, как будто, все дороги ведут к ясеню. Кстати, что удивительно, в обыденной жизни я это самое дерево найти не могу.

И даже сейчас, я пишу эти строки и вдруг осознаю, а ведь ясень для меня, что-то вроде отдушины, ибо всякий раз, как я там оказываюсь, всё как будто выравнивается, становится по местам. Значит, смотрю я на эти строки и сам себе удивляюсь. Уже на автомате говорю: «Нифига себе!» Вот... как вы думаете, где я оказался...?

Соответственно, оставшиеся строчки я пишу под этим самым ясенем. Солнце, вроде как, светит и всё, как будто, под рукою... Но вот, я снова о чём-то задумался. Кажется, о жизни нашей грешной (ой, лучше б не начинал, Ей-Богу!), но, что удивительно, тут я пришёл в некоторому компромиссу, ибо вспомнил старинную китайскую мудрость, о том, что завтра день будет лучше. Понимая это, я говорю себе: «Нифига себе!» Так... у ясеня я уже не оказался... а почему? Хоть бы домой меня эта аномалия вернула, а то опять несколько километров идти (и даже не спрашивайте, как я нахожу дорогу – всегда по-разному).

Пора бы мне уже закругляться с этими философскими-нефилософскими (около-философскими) размышлениями у ясеня... Кстати, недавно-так покопался на бескрайних

просторах Сети, чтоб вообще понять откуда взялась эта фраза, а оказалось, что это огромный стих В.Матюка. Знаете, неплохо пишет, между прочим, жаль только, что матом, но тут уж его дело. Я, вот, материться не стал (меня ж, наверное, дети читают, хотя, кто знает?). Хм... а меня вообще читают? Ну, нифига ж себе...!

2019г.

МЕЛАНХОЛИЯ

*Знал соль слез, не жилые стены
Ночь без сна, сердце без тепла —
Гас, как газ, город опустелый.
Взгляд без глаз, окна без стекла.
С.И.Кирсанов*

За окном вечер. Солнце куда-то опять уходит (даже ему надоедает стоять на одном и том же месте). Небо то ли оранжевое, то ли красное (идите, художники, к чёрту с вашим видением!).

Вокруг тишина (на самом деле, слух просто уже привык к шуму улицы), полная пепельница на стеклянном столике (пора бы и почистить, м-да), в руке догорает сигарета. В голове абсолютно пусто, взгляд стеклянный – в бесконечность наступающей ночи.

Взгляд влево – жилые дома, где-то горит свет, и видны силуэты семейных идиллий. Взгляд вправо – парк, в котором ночью почему-то всегда тепло. Вроде, всё на местах..., а всё равно что-то не так... Слушай, приятель, скажи на милость – что не так? Не знаю. Но что-то определённо неправильно.

Смотрю в чёрно-красно-оранжевое небо (художники, идите к чёрту!), уже появляются звёзды. Нахожу два таких

родных глаза, что каждый день смотрят на меня (видимо с укором, ещё бы, даже никогда не докуриваю). Смотрим друг на друга минуту... две... три... Сказал бы что? Небо молчит, видимо ему нечего мне сказать сегодня.

Сердце чего-то просит. Ну, и проси дальше... следуй велениям сердца и быстро дойдёшь до инфаркта.

Когда это я стал таким пессимистичным?

Курево тлеет – выбрасываю в пепельницу (завтра, быть может, почищу) и выхожу с балкона. В квартире темно (свет включить, видно, не судьба, хотя надо), иду к ноутбуку, на котором, обычно, смотрю новости (телевизор, нынче, не в моде, верно?), опять мне сейчас чего-нибудь наговорят... Давай, браток, удиви меня! Начинается черед слов. Что-то там про переговоры с другими странами. Ну, правильно. Народы сближаются. Для рукопашного боя? Кто-то там отравился коньяком. Что тут сказать... человек отравился водой, случайно попавшей в организм с алкоголем. Так бывает – дерьмо случается. Что-то там про субтропическую жару в Москве... Ну, в 91-ом погода, вроде как, тоже чудесная была... я, конечно, ни на что не намекаю... Что-то там про утверждение госбюджета на грядущий год, какой-то политик выступает (вот это честь!). Что можно сказать? – оратор, закройте ваше «орало»!

В общем, ничего удивительного и нового. Пойду-ка я на улицу (ты время видел? ой, дурак!).

Снаружи уже темно, фонари светят, луна на месте (уже

всё не так плохо), полярная звезда тоже (ну, привет!). Иду к парку, где тепло, хотя на улице температура, а-ля, «офигеть-какжехолодно».

Асфальт стелется передо мной (и куда ты идёшь, может скажешь?). В голове всё ещё пусто...

Из какого-то дома выходит мужичок, на лице его гнев, и он хлопает входной дверью. Делает шагов десять и поскальзывается. Громко падает (мужик-то высокий, а, как известно, чем больше «шкаф», тем больше треска). Надо бы помочь. Добрые дела легче делать, чем плохие, но мы же не ищем простой жизни, верно? Люди часто завидуют здоровью, везению, благополучию другого. Лишь чужая глупость всегда кажется хуже собственной. Так и сейчас.

Подхожу к нему, подаю руку. Он берётся за неё и тяжело поднимается. Отряхивается. Я вижу его в первый раз.

– Как оно? – спрашиваю у него.

– Хреново, – хрипит он.

Только хочу что-то сказать, как мужик уже уходит. Мда... поговорили...

Стою в свете фонаря, «втыкаю» в асфальт (ищу двоеточие... эх, Максим Максимыч...).

Откуда-то выбегает чёрная дворняга. Садится передо мной.

– Здравов! – говорю ему.

Он что-то шипит или скулит в ответ.

– Ну, пошли.

Начинаю идти куда-то (вот куда ты прёшься, а?), он семенил рядом. Попутно рассказываю ему... Собственно, о чём? Да всё что в голову придёт (надо ж с умными людьми общаться). Он лишь слегка кивает (лучший психолог). Доходим до моего дома. Сажусь на ступеньки (только попробуйте мне сказать, что что-то там отморожу!), он рядом. Хорошо сидим... Любите собак. Они не задают вопросов. Они просто кивают вам или просят погладить (а не пожрать).

Голова всё ещё пуста... Это к лучшему, ибо мысли, особенно «острые» надо записывать... а любая мысль, переложённая на бумагу, становится плоской... парадокс... К тому же, как говорит (или говорил?) один «великий» человек, «на жизнь надо смотреть трезво». Ну-ну... Если трезво взглянуть на жизнь, то хочется напиться. А нельзя... нельзя...

Вот и сидим мы с собакой....

2019г.

НОВЫЙ ГОД

*Вьюга за окном кружится,
Это старый год хмуруется.
Снегом все дома занесёт,
Ночью к нам придёт Новый Год.
А.Е.Бадажков*

Декабрь. Казалось бы, первый месяц зимы, а в пору цитировать Пастернака:

*«Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.»*

Неплохо, конечно, было бы заменить на «декабрь», но что-то как-то не подходит. Да и вообще какой-то странный месяц. Вроде бы, Новый год не за горами... все суетятся, покупают подарки, украшают дома... все рады... а мне одиноко...

На улице вечер. В эти часы небо уже тёмное, покрытое звёздами, иногда даже луна удостаивает нас честью показаться.

В моей квартире темно. Надо бы включить свет, да не хочется – глаза привыкли к темноте, я просто уже слился с ней,

особенно потому что-сам-то хожу во всём чёрном... Это уже часть имиджа (но кто я такой чтобы иметь свой имидж, не правда ли?).

Окно нараспашку (или настежь?), а я сижу, курю на подоконнике, согнув одну ногу в колене, под которым стоит пепельница. Снаружи холодно, редкие снежинки попадают на меня, а я этого не чувствую.

Я вижу окна дома напротив, в них зажигается свет, и через некоторые шторы видны силуэты людей. Кто-то садится за стол, кто-то с кем-то общается, смеётся... люди счастливы – у них кто-то есть... всем бы так...

Дурная привычка курить, но ещё дурнее – не докуривать... так и сейчас – только пол сигареты выкурил, а уже в пепельнице... И я всё сижу на подоконнике, у открытого окна, за которым падает снег, как время, отпущенное нам на жизнь...

Я начинаю чувствовать холод, что сковывает меня везде. Я понимаю, что надо бы закрыть окно, но не делаю этого... может, жду тепла, хотя откуда ж ему взяться?

Ночь ничего магического не несёт в себе. Лишь холодную постель и пустой потолок, в который я смотрю. Сон не приходит... хотя, может я уже не понимаю, когда засыпаю, потому что на утро непонятно – то ли я спал, то ли просто лежал несколько часов с закрытыми глазами... Вообще-то говоря, больше на «отключку» похоже...

Следующий день кажется светлым, даже солнце показы-

вается, освещая тот небольшой слой снега, что есть на улице. Я сам для себя замечаю, что это первый день, когда оно вообще выглянуло в этом месяце. Может станет, всё-таки, немного теплее?

Пора бы наряжать ёлку, а то как-то некрасиво будет – завтра новогодняя ночь, а я без неё...

Достаю с верхних полок шкафа коробку, со сложенной в неё искусственной ёлкой и игрушками. Ставлю. Расправляю ветки и макушку. Начинаю наряжать. Игрушек много, всем им, наверное, столько же, сколько мне... разные шарики, птички, гирлянды, снеговики, дождик... всё это напоминает детство, то самое детство, когда ты думал, что до взрослой жизни далеко, а тут – бац! – а дальше только старше и всё... тю-тю...

Наконец, ёлка наряжена. Смотрится она очень красиво, а мне становится грустно... так нестерпимо грустно и тоскливо по прошлому, когда всё это было весело, когда под ней можно было найти подарки, а что теперь? Я сижу перед искусственным деревом, скрестив, по-турецки, ноги, смотрю на него и понимаю, что чудес не будет... я и не жду...

Тридцать первое декабря. На улице падает снег, солнце вроде есть, а вроде и нет.

К вечеру, я решил пойти на улицу, уж и сам не знаю зачем. Вид у меня неважный: мешки под глазами (хоть раньше их и не бывало), растрёпанные волосы и щетина, которой любой актёр, играющий алкоголика, позавидует.

Небо стало тёмным, появлялись звёзды, луна, фонари и гирлянды светили везде. В центре города стояла огромная ёлка, освещённая разными лампочками и прожекторами, рядом было много детей, и все получали подарки.

На заснеженных улицах полно людей... влюблённые пары, семьи, компании друзей... все счастливы, все вместе... а я один... хожу среди них угрюмый. Должно быть, странно это выглядит со стороны: у всех радость, а тут какой-то хмырь ходит – грустит, только праздник омрачает да народ пугает непотребным своим видом. А я просто не понимал, как можно быть такими счастливыми... почему всем весело, а мне нет, почему все вместе, а я один?

Я возвращаюсь в холодную квартиру, шторы стоят парусом от ветра, немного снега намело на пол у окна. Вот, теперь точно надо его прикрыть, а то ещё сугроб привалит – не разгребу. Берусь за ручку, закрываю... пепельница вылетает в окно, и через несколько секунд слышится звон разбитого стекла (или же льда).

«На счастье», – думаю я и смотрю вниз. На асфальте блещут осколки стекла и льда. «Прям моё состояние», – про себя говорю я и задумываюсь, что готовить на ужин.

Впрочем, выбирать не приходится... «завтрак, обед и ужин холостяка» – пельмешки.

На часах одиннадцать вечера. В моей квартире темно. Телевизор включён, все там друг друга поздравляют, поют, пьют, веселятся... а я сижу на подоконнике у открытого на-

стежь (или нараспашку) окна (снова, здравствуй! снова, как дела?). Снаружи холодно, редкие снежинки попадают на меня, а я этого не чувствую. С улицы слышится смех, слышатся радостные возгласы, а мне не смешно.

Снежинки крутятся в воздухе, напоминая небольшую метель... и видно в их мерцании что-то до боли знакомое, что-то печальное, что-то молчаливое, что-то... похожее на меня...

Я всё ещё сидел на подоконнике, когда из комнаты, где работал телевизор, зазвучали фанфары перед речью президента.

Решил, наконец, слезть и открыть шампанское, а то прям вообще не Новый год.

Пока открывал, уже и прозвучала речь, пробили куранты, спели гимн, на улице послышались звуки салюта, и небо осветилось различными цветами огней, вырисовывавших самые невероятные и красивые рисунки.

Спасибо тем людям, что не ленятся запускать его на Новый год! Это ж бесплатное шоу для почти всех жителей города...

Я стою с бокалом шампанского у открытого окна, откуда ветер задувает ко мне в дом снежинки, а я этого всё ещё не чувствую...

Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведёшь... вот, ведь, как грустно всё выходит...

Я чувствую, как в носу начинает пощипывать, как перед

слезами...

Тут, раздаётся звонок телефона – звонит мама, тот человек, которому я нужен, который про меня помнит, хоть нас и разделяет расстояние...

Отвечаю на звонок, мы поздравляем друг друга.

По телевизору показывают концерт, за окном фейерверки и снег и сотни радостных лиц... а мне грустно и тоскливо... встречать Новый год одному...

1 января 2020г.

КОТ

С серого зимнего неба хлопьями медленно падал снег. Он опускался на мостовую, на парапеты, на дома – всюду, где только можно было свой белый след оставить.

Солнца почти не было видно. Лишь слабый жёлтый силуэт на фоне серого неба, который мерцал в падающих белых хлопьях. Тепла от него не было...

Тем не менее, на улице было довольно оживлённо. Люди ходили, хрустя снегом под ногами уткнувшись в экраны телефонов и закутавшись в куртки по самый нос. У всех были какие-то свои заботы, все куда-то спешили, все хотели тепла, а его всё не было...

По длинным оживлённым проспектам города одиноко бродил серый кот. Он был очень худым с маленькими зелёными глазками, шерсть его была в снегу от чего напоминала седину на фоне и без того серых волос. Котом его, пожалуй, тоже можно было назвать с натяжкой, ведь он совсем недавно ещё был котёнком, и его кормила мать, а сейчас маленький пушистик остался один и должен был самому себе искать пропитание.

Жизнь на улице не была лёгкой – постоянно кто-то норовил швырнуть в него чем-то, крикнуть или же просто напугать. Он не понимал почему так происходит. Зачем? Что он

им всем сделал? Он ведь просто искал еды, ибо на дом не рассчитывал, хотя ему и хотелось – на улице, всё ж, жить было холодно и опасно. Конечно, иногда встречались и добрые люди, которые могли ему что-то дать, после чего он чувствовал себя на вершине мира от счастья... это было недолго – на утро голод и холод снова давали о себе знать...

Кот прошёл по улице сквозь толпу людей и запрыгнул на небольшой заснеженный парапет. Отсюда ему была видна чуть ли ни вся улица, все люди, что шли по ней, погружённые каждый в свои мысли и заботы.

Почти у всех людей были хмурые лица – глаза сощурены, брови сведены к переносице, уголки губ смотрели вниз. Кот не понимал почему, ведь они же счастливы, ведь у них же есть и дом, и еда, и тепло, ну чего им ещё?

Он одиноко сидел на заснеженном парапете и смотрел на этих непонятных существ – людей. А они всё приходили на улицу и уходили с неё...

Вот показалась одинокая девушка в зелёной куртке. Светлые волосы её были распущены, лицо полное печали, по румяным щекам даже катились слёзы. Никто не обращал на неё внимание... или почти никто... Кот с грустью в зелёных глазках посмотрел на неё и постарался улыбнуться своей кошачьей улыбкой. Он не понимал, почему девушка была так несчастна, что такого случилось, но думал, что как-то сможет помочь. Он не знал, как. Кот не сознавал зачем ему это надо. Но ему хотелось, чтобы она просто улыбнулась, чтоб

слёзы пропали с её щёк. Девушка прошла мимо, не взглянув на серый комок шерсти, покрытый снежинками – у неё были свои заботы.

Кот продолжал сидеть на месте, смотря на окружающих со своей странной улыбкой. А люди всё шли и шли. А он всё продолжал верить им...

Откуда-то показался мужчина в сером пальто, уткнувшийся в телефон. Ему тоже было холодно – об этом говорил его шарф, в который он всё пытался спрятать свой нос, чтоб согреть лицо.

Мужчина шёл рядом с парашютом, всё ещё смотря в телефон. Он не замечал маленькой серой фигурки, сидящей по левую руку его движения пока что-то не услышал... Мужчина инстинктивно обернулся. На заснеженном парашюте сидел маленький серый кот, весь в снежинках, улыбавшийся ему. Уголки губ человека поднялись, и он остановился рядом с ним. Тот смотрел ему в лицо своими зелёными глазами, полными какой-то непонятной для человека надежды. Мужчина протянул руку к коту и положил ему на голову. Тот закрыл глаза от удовольствия и прилива тепла, что исходило от этой самой руки. Мужчина гладил его вдоль всего тела, чувствуя пальцами сквозь шерсть его кости и мышцы. Кот лишь искренне мурлыкал, улыбаясь и закрыв глаза от удовольствия. Его нечасто гладили и это всегда было приятно, пусть даже руки были грубыми и не всегда чистыми.

Ему бы очень хотелось, чтобы это неожиданное удоволь-

ствие продлилось дольше, но, увы, мужчина провёл рукой по его голове последний раз, едва заметно улыбнулся ему и пошёл дальше своей дорогой... просто ему было куда идти... кот продолжил сидеть, стараясь сохранить полученное тепло и продолжая улыбаться всем вокруг, хотя на него почти никто не смотрел...

Между тем, уже смеркалось. Небо из серого становилось тёмно-синими, показывались первые звёзды, начинали зажигаться фонари, от которых становилось лишь светлей... тепла всё не было...

Улица пустела. Только редкие прохожие быстрым шагом, хрустя снегом, проходили мимоходом.

Откуда-то показалась женщина в красном пальто, которая вела за руку ребёнка лет пяти в оранжевой курточке и такого же цвета шапке на голове. Дитя с любопытством смотрело по сторонам, пока его взгляд не упал на серую фигуру, сидящую на парапете. Ребёнок потянул руку к коту и сказал своим детским голосом, полным радости:

– Мам, смотри, кошечка!

Женщина повернула голову и посмотрела на кота. Её взгляд выражал недоверие и, можно сказать, признание.

– Так она ж бродячая, – ответила она.

– Ей, наверное, домой хочется. Давай возьмём?

Кот замурчал. Эти слова засверкали перед его глазками лучиком надежды.

– Зачем? Она, ведь, бродячая. Мы можем купить тебе дру-

гую, если хочешь, — ответила женщина и повела своего ребёнка дальше по тёмной улице.

Уже почти совсем стемнело. Людей практически не было. В окнах домов зажигался свет, виднелись силуэты. У них было всё, они были счастливы.

У кота не было ничего.

Он перестал улыбаться, потому что попросту некому. Да и грустно ему стало. За день он не съел ни куска, а просто просидел на этом парапете, глядя на людей, что почти не смотрели на него. Разве что мужчина тот, погладивший его... и на том спасибо...

Кот спрыгнул с парапета и побрёл в сторону одного из знакомых ему дворов. Он шёл, оставляя за собой маленькие следы на снегу. Чувствовалось одиночество, непонятная ему грусть... и надежда... это его немного согревало на ночном морозе...

Во дворе было пусто. Всё в снегу, и лишь фонари освещали серо-белый асфальт. Кот брёл по нему, оглядываясь по сторонам, но ничего не мог найти. Запахов никаких не было.

Кот дошёл до небольшого пустыря, где была помойка, там всегда можно было чем-то поживиться. Только он хотел подойти к ящикам, как его внимание привлекло что-то сидящее под деревом рядом. Кот повернул к нему голову — что-то непонятное и большое сидело под ним. Инстинкты говорили ему не ходить туда, но какое-то неведомое ему чувство твердило, что он должен пойти туда. И кот направился к дере-

ву. Подойдя к объекту своего любопытства, он уселся перед ним и стал изучать взглядом. Что-то большое, светло-коричневое, с круглыми ушками на голове и глазами-бусинками сидело, опершись спиной на дерево широко раскинув задние лапы, чем-то напоминавшие ноги человека, и положив на них широкие передние, похожие на человеческие ладони, только без пальцев.

Кот вытянул переднюю лапу и прикоснулся к существу. Оно не шевельнулось, а лишь продолжило сидеть, опершись на дерево. Кот снова вытянул лапу, но на этот раз положил её на заднюю конечность существа. Оно было очень мягким и всё ещё не шевелилось. Видимо, он тоже остался один, ему, должно быть, также хотелось есть и быть дома, но у него ничего этого не было... как у кота... Он улыбнулся большому незнакомцу и сделал шаг к нему. Тот не шелохнулся. Видимо настолько ему грустно было и тоскливо. Кот его понимал.

Он залез на одну из задних лап этого существа. Оно всё ещё не шевелилось.

Кот аккуратно перелез ему на живот, который был чуть-светлее остальной шерсти и был наиболее мягким, что кошачьи лапы проваливались в нём.

Он уселся на его животе и, улыбаясь, посмотрел ему в глаза-бусинки. Они были неподвижны, и в них белым светом отражалась луна, и это делало его взгляд особенно грустным.

Кот всё ещё улыбался. Он понимал, что незнакомцу одиноко, что ему нужен друг... он мог им стать, ведь у него тоже

никого не было...

Он улёгся на животе у своего нового невозмутимого знакомого, свернулся клубочком и замурлыкал. Ему, вдруг, стало неожиданно теплее и лучше, голод как-то сам по себе притих.

Это чувство было коту непонятным, но оно доставляло ему удовольствие от того, что понимал, что нужен кому-то, что он теперь не один, что ему есть кому улыбаться.

Кот закрыл свои зелёные глазки от удовольствия.

Впервые, с тех пор, как он остался без матери ему не было одиноко...

А с тёмного ночного неба падал снег. Белые хлопья стелились на землю, на асфальт и на большое коричневое нечто, на животе которого клубочком лежал серый комочек шерсти. И пусть это, как казалось коту, существо было неживым, пусть без эмоций и без чувств, и пусть ему этого было не понять, но оба они были просто счастливы, возможно каждый по-своему, потому что нашли друг друга....

2020г.

В ЧУЖИХ ОКНАХ

Иногда, проходя мимо домов, можно видеть довольно милую картину: какой-нибудь пожилой человек – бабушка, там, или дедушка – просто стоит и смотрит в окно. Казалось бы, что они такого нашли в этом занятии? Что они надеются нового увидеть, ведь возраст-то уже такой, когда всякое повидал. Шли бы лучше писали что-нибудь, а чего? – как раз-таки для того чтобы стать писателем нужна лишь бумага, ручка и отсутствие другого более-менее интересного занятия, не так ли?

Так думал и я. Однако оказалось, что, глядя в окно... с правильной перспективы, что немаловажно... можно увидеть очень много интересного, нового, страшного, смешного (ибо между этими двумя понятиями, как известно, всегда один шаг).

Так уж сложилось, что попало к нам с Андреем в руки два оптических прицела, те самые, что обычно на снайперских винтовках стоят. Что с ними делать мы не знали, так как соответствующего оружия у нас, естественно, не было...

Дело было вечером, делать, как известно, было нечего. Сидели мы, стало быть, с моим товарищем, вертя прицелы в руках (причём как сидели: я на столе в позе лотоса, а Андрей на полу в положении, выражающим полную безысход-

ность...), как вдруг он поднимает на меня взгляд, в котором явно читалась какая-то гениальная идея и нараспев говорит:

– Кажется я придумал что с ними делать!

Скептически глянув на пол через прицел, а потом и на Андрея, я вопросительно посмотрел на него.

– Надо в окно смотреть!

Я удивлённо поднял бровь и с усмешкой сказал:

– Что ты там хочешь увидеть? «Цели» искать что ли?

– А почему бы и нет? – улыбнулся Андрей. – А вдруг что интересное увидим!

– М-да, приятель, учитывая, что сейчас на улице тьма, хоть глаз выколи... Максимум что ты увидишь это зубы улыбающегося Тёмного Лорда, и то если он захочет тебе улыбнуться... – съязвил я.

– Дурачок! У нас же они с ночным видением!

– Разве?

Как оказалось, действительно, – прицелы были с ночным видением. Почему-то я упустил этот момент...

Что ж, это в корне меняло дело, хотя я и, до сих пор, относился ко всей этой затее скептически. Тем не менее, вечерняя скука и желание хоть чем-то заняться перед сном сделали своё дело, и мы с Андреем, взяв прицелы и стулья, уселись пред подоконником, открыв окна нараспашку и уперев локти на него, стали пробовать что-то высматривать.

По началу у нас ничего, естественно, толкового не получилось, так как мир через оптическое стекло почему-то тряс-

ся, что нас крайне не устраивало. Что делать? Решение проблемы мы нашли довольно быстро – поставить на подоконник пару ящиков из-под обуви, но не опираться на них локтями, а просто как бы поставить на них прицелы, придерживая пальцами.

Сказано – сделано. Установив нашу нехитрую «инженерную» конструкцию и убедившись, что мир не качается, не трясётся, мы включили ночное видение и в его зелёном свете принялись осматриваться.

Ночной город казался вымершим. На улице не было, практически, ни души. Лишь редкие тени в свете фонарей и витрин мелькали вдоль стен. Иногда проезжали машины, ехали настолько медленно, что мы успевали даже увеличить кратность и рассмотреть водителей и, если были, пассажиров. Вот, например, проехал какой-то мужик с густой чёрной бородой и, низко опущенным, козырьком кепки, что создавало впечатление, будто это кепка с бородой сидит за рулём (ну а что? – в нашей стране и не такое возможно!). Или вот, шикарный красный «Феррари» с... «типичной» блондинкой в чёрной кожаной куртке за рулём.

– Нифига себе! – то ли удивился, то ли восхитился Андрей. – Это ж как так-то, а?!

– А что тебе не нравится? – как бы без участия спросил я.

– Да почему всё так?! Даже у НЕЁ есть «Феррари», а у меня нет!

– Полагаю... – начал я, – потому что ты не блондинка...

Я оторвался от прицела и улыбнулся ему исподлобья.

– Да в смысле? Да почему?! – возмущался Андрей и снова прильнул к прицелу, но наша «цель» исчезла за домом.

Мы продолжили наше «около-снайперское» созерцание, но на дорогах и проспектах уже никого и ничего не было.

Я оторвался от оптики, чтобы дать глазам отдохнуть, ибо так или иначе они находятся в напряжении.

С улицы дул ветер, к нам в комнату время от времени залетали редкие цветные кленовые листья, из-за которых хозяйка нередко бранила нас, потому что мы забывали их убирать.

Я посмотрел на дома напротив. Во многих окнах горел свет, и были даже видны силуэты обитателей квартир...

Стоп!

Свет... Силуэты...

Я придумал, что делать!

Без лишних колебаний я снова принял к прицелу и стал всматриваться в дом напротив. Глянул в первое же окно, в котором горел свет. Сквозь тюль были слегка размыто видны люди, сидящие за столом. Мужчина, занимавший стул у центра стола, что-то увлечённо рассказывал, женщина, примерно его возраста, судя по всему, еле-сдерживала смех, а сын, где-то лет десяти, с зажмуренными глазами и улыбкой до ушей барабанил по столу, видимо, настолько ему смешно было.

– Интересно, – вслух задумался Андрей, – а что он им

такое рассказывает?

Похоже, ему тоже пришла в голову такая же идея, как и мне, и он вместе со мной смотрел в одно окно.

– Я бы сказал, – заулыбался я. – Но не буду, боюсь ты обо мне не так подумаешь...

Андрей оторвался от прицела и, ехидно улыбаясь с выпученными глазами, посмотрел на меня.

– О чём ты думаешь?! – чуть не смеясь спросил он.

– Я? О рыбалке! – посмеиваясь ответил я. – А вот о чём ты думаешь, раз так улыбаешься?

– Э-м-м... – мой товарищ замялся. – Тоже о рыбалке!

– Да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.